
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ НА -ДА- // -ДЕ- В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Б.А. Мусуков

Учреждение РАН Институт гуманитарных исследований
Правительства КБР и КБНЦ РАН
ул. Пушкина, 18, Нальчик, КБР, 360000

Статья посвящена исследованию аффикса звукоподражательных глаголов -да- // -де- в карачаево-балкарском языке. В ней рассматриваются такие вопросы, как история происхождения аффикса, семантическая классификация деривационных единиц, аффиксация и лексикализация как способы образования новых лексических единиц.

Ключевые слова: аффикс, семантическая классификация, звукоподражательные глаголы, лексические единицы.

В тюркологических исследованиях по словообразованию аффикс -да- // -де- квалифицируется как аффикс звукоподражательных глаголов, образованных от звукоподражательных корней и обозначающих те или иные видовые оттенки значения этих глаголов.

Образование подражательных слов и изучение их своеобразной семантики давно интересовали как зарубежных, так и отечественных тюркологов. Более фундаментальное исследование данного вопроса началось совсем недавно, только в советское время, и нашло наиболее яркое и подробное отражение в научно-исследовательских трудах Н.И. Ашмарина, Н.К. Дмитриева, Л.Н. Харитонова, Э.В. Севортяна.

Первоначальные сведения о подражательных словах даются также и в работах зарубежных тюркологов М. Биттнера, В. Банга, Ж. Дени.

Изучая подражательные слова, Н.И. Ашмарин в своих исследованиях привлекает богатый лексический материал по данной теме из тюркских, финно-угорских, индоевропейских и семитских языков [1].

Впоследствии труды Н.И. Ашмарина оказали огромное положительное влияние на целую плеяду ученых, занимавшихся рассмотрением подражательных слов. Некоторые точки зрения Н.И. Ашмарина относительно значений подражательных глаголов, скажем, *быстроты, моментальности, ритмичности, протяженности, однократности, многократности* действия нашли свое отражение в наиболее фундаментальных исследованиях по этому вопросу, осуществленных начиная с 50-х гг. (Юнусалиев, Харитонов, Севортян).

В исследовании подражательных слов особое место принадлежит научным трудам Н.К. Дмитриева, который особо обратился к грамматической стороне данного вопроса, принимая во внимание то положение, которое впервые было отмечено Н.И. Ашмариним относительно того, что подражательные слова выполняют *экспрессивно-выразительную* функцию. Им были разработаны принципы определения подражательных слов, установлены пути их дальнейшего развития в морфо-

логическом отношении, показано наличие фонетического параллелизма между аффиксами *-ла-* и *-да-*. Он отмечал ошибочные точки зрения некоторых ученых, в частности М. Битнера, который проводил морфологическое членение подражательных слов на составные части.

Среди ученых, занимавшихся после Н.И. Ашмарина и Н.К. Дмитриева изучением данного вопроса, можно назвать имена А.И. Исхакова и С. Кудайбергенова.

Л.Н. Харитонов отмечал, что в якутском языке в подражательных глаголах с помощью словообразовательных аффиксов выражаются те или иные видовые оттенки [2. С. 154].

В киргизском языке впервые подражательные слова рассматривались в трудах Б.М. Юнусалиева и С. Кудайбергенова.

Подобная работа в казахском языке впервые была выполнена в кандидатской диссертации Ш. Сарыбаева.

В разработке подражательных слов в тюркских языках особое место принадлежит Э.В. Севортыану, который систематизировал обширный материал по подражательным словам в азербайджанском языке, приводя к определенной стабилизации общие точки зрения по данной проблеме [3].

В большинстве грамматик по тюркским языкам ученые обходят стороной подражательные слова вместе с междометиями, считая, что они не имеют отношения к категории частей речи [4. С. 48—50; 5. С. 75; 6. С. 342].

Главная трудность при квалификации подражательных слов заключается в том, что они не имеют предметно-вещественной семантики, свойственной знаменательным частям речи. Подражательные слова, в отличие от самостоятельных частей речи, обозначают не логически оформленную общую мысль о предмете, а видовые оттенки. Видимо, это и явилось главной причиной того, что многие авторы оставляют без внимания имена существительные и глаголы, образованные от подражательных основ, не говоря уже о том, что сами подражательные слова нигде не рассматриваются. Исключение составляют грамматики Г. Немета [7. С. 94], Ж. Дени [8. С. 541—543], А.Н. Кононова [9. С. 105—106].

Некоторые ученые звукоподражательные основы, образованные способом редупликации, не считают производящими основами, а считают их всего лишь словоформами и поэтому усматривают в спаренных комплексах не словообразование, а формообразование, т.е. редупликация «подражательных слов используется для придания основному слову дополнительных смысловых оттенков, таких как: *многократности, длительности, повторяемости*» [10. С. 165].

Н.К. Дмитриев отмечал, что звукоподражательные слова, выражающие звучание, можно более или менее удачно интерпретировать, а не переводить. Эти единицы нельзя фиксировать на правах самостоятельных лексических единиц [4. С. 62].

Э.В. Севортыан считает, что «в оценке природы подражательных слов наиболее последовательной представляется точка зрения, рассматривающая эту категорию в качестве особой части речи со свойственной ей специфической системой морфологических категорий (словообразовательных, модифицирующих), образной семантикой и ограниченностью синтаксических связей. Что касается

производных от них имен существительных, прилагательных и глаголов, то, поскольку они охватываются всеми грамматическими категориями названных частей речи, включение их в эти части речи является естественным и необходимым» [11. С. 191].

Относительно происхождения аффикса подражательных глаголов -да- // -де- в тюркских языках выдвигались самые различные гипотезы. Наиболее известной является точка зрения Н.К. Дмитриева, согласно которой аффикс -да- // -де- выступает в качестве фонетической параллели общеизвестного и самого продуктивного аффикса -ла- // -ле-. Выдвигая параллелизм обоих показателей, Н.К. Дмитриев считал необоснованными этимологии аффикса -да- // -де-, разработанные М. Биттнером: -да- < глагола -де- 'говорить' и В. Бангом: -да- < показатель абстрактных имен -d + глаголообразующий аффикс -a-. Н.К. Дмитриев отмечал, что аффикс -да- образовался от аффикса -ла- в результате диссимилиации сонорных звуко сочетаний -рл- и -лл- на стыке двусложной подражательной основы и глаголообразующего аффикса -ла- [12. С. 113—115; 13. С. 39—40].

Рассматривая диссимилиативную природу возникновения аффикса -да-, Э.В. Севортыян отмечал, что в огузских языках «чередование л/д приобрело морфологическое значение и исчезло из этих языков как живая фонетическая норма, сохранившись лишь в некоторых территориальных диалектах, между тем как во вторых (т.е. кыпчакских — Б.М.) оно осталось и сохранилось как чисто фонетическое явление» [11. С. 194].

Б.А. Серебренников относит к примечательным особенностям тюркских языков наличие у звукоподражательных глаголов особых аффиксов, среди которых наибольшее распространение получили аффиксы -улда-, -урда-. По его мнению, совершенно очевидным является то, что никаких звукоподражательных аффиксов в природе вообще быть не может. Аффиксы звукоподражательных глаголов, как правило, характеризуются как некоторые аффиксы, заимствованные у других категорий глаголов.

Что касается происхождения аффиксов звукоподражательных глаголов, то Б.А. Серебренников не без оснований предполагает, что первые составные элементы аффиксов -улда-, -урда- — генетически родственны аффиксам -ла- и -ра-, участвующим в образовании звукоподражательных глаголов, и представляют их разновидности, а второй элемент -да-, по всей вероятности, восходит к древнему аффиксу -t-, который в тюркских языках некогда имел значение аффикса многократного действия. В качестве косвенного доказательства этого положения он приводит то, что аффикс -t- входит в состав суффикса многократного действия -štyr-. Далее делается вывод о том, что аффиксы звукоподражательных глаголов в тюркских языках генетически восходят к аффиксам многократного действия [14. С. 5—7].

С Б.А. Серебренниковым можно согласиться в том отношении, что все звукоподражательные глаголы обнаруживают значение *многократности действия*, а относительно того, что никаких звукоподражательных аффиксов в природе вообще быть не может, кроме как заимствованных у других категорий глаголов, трудно согласиться.

В исследованиях по карачаево-балкарскому языку аффикс *-да-* вообще не рассматривался и не рассматривается как самостоятельная глаголообразующая морфема при участии звукоподражательных основ. Тем не менее, имеющийся обширный языковой материал, безусловно, свидетельствует о том, что его нужно включить в число глаголообразующих средств.

Аффикс *-да-* // *-де-* как словообразовательное средство, образующее глаголы с самостоятельной семантикой, подробно исследуется в кандидатской диссертации автора данного исследования [15. С. 7—8].

Аффикс *-да-* // *-де-* изучается и в монографическом исследовании Ж.М. Гужеева [16. С. 216].

А.Н. Кононов также, как и Н.К. Дмитриев, считает, что аффикс *-да-* // *-де-* в турецком языке является фонетической разновидностью аффикса *-ла-* / *-ле-*, в котором начальный плавный *l* после плавных согласных (*l*, *r*) в процессе диссимиляции перешел в *d*, результатом чего явилось образование непереходных глаголов от двусложных звуко-образо-подражательных, или мимологических (по терминологии Н.И. Ашмарина), основ [17. С. 259]. По его мнению, непродуктивный аффикс *-да-* / *-та-* в узбекском языке связан также с аффиксом *-ла-* [9. С. 248, 249].

В «Грамматике кумыкского языка» Н.К. Дмитриева аффикс *-да-* // *-де-* вообще не отмечается, отдельные сведения о нем можно найти только в «Грамматике башкирского языка» [18. С. 179].

Авторы «Татарской грамматики», придерживаясь традиционной точки зрения, также считают, что звукоподражательный аффикс *-да-* восходит к аффиксу *-ла-* [19. С. 435].

По нашему мнению, аффикс *-да-* // *-де-* в карачаево-балкарском языке может быть фонетической разновидностью аффикса *-ла-* // *-ле-* только в том случае, когда присоединяется к производящим основам, выраженным знаменательными частями речи, да и то не во всех языках, а только в некоторых. В том случае, когда производящими основами являются звукоподражательные слова, аффикс *-да-* // *-де-* не может иметь генетической связи с аффиксом *-ла-* // *-ле-*, т.е. аффикс *-да-* // *-де-* является самостоятельным словообразовательным средством.

В некоторых тюркских языках правильность морфемного членения производной основы на звукоподражательную основу и аффикс *-да-* // *-де-* вызывает сомнения: составители «Татарской грамматики» считают, что в производных глаголах нужно выделять звукоподражательное слово и аффикс *-ылда-*, например: *уф + ыл + да-* 'охать' — *уф* и аффикс *-ыл + да-*. Они полагают, что элемент *-ыл* является *интерфиксом*, полученным в результате присоединения суффикса к односложным основам, и не относится к производящей основе. В связи с неразработанностью теории интерфикса в тюркских языках элемент *-ыл* они рассматривают как составную часть суффикса *-ылда-* [Там же. С. 434].

В «Грамматике карачаево-балкарского языка» 1966 г. приводятся непродуктивные звукоподражательные аффиксы *-ырда-* и *-ылда-* с фонетическими вариантами, которые образуют непереходные глаголы. Однако, с другой стороны, при морфемном членении глагольных основ на корневую и аффиксальную части остается только аффикс *-да-*, а что же такое элементы *-ыр-*, *-ыл-*, и какую они функцию выполняют, не отмечается.

Мы полагаем, что для устранения путаницы в интерпретации отмеченных аффиксов и так называемых интерфиксов *-ыр* и *-ыл* необходимо чисто условно отнести эти компоненты в состав звукоподражательных основ, а элемент *-да- // -де-* рассматривать как самостоятельное словообразовательное средство.

Н.К. Дмитриев указывает на то, что в кумыкском языке междометия, оканчивающиеся на «узкий гласный + плавный», т.е. на

$$\frac{-ыр}{-ир} \frac{ур}{уьр} // \frac{-ыл}{-иль} \frac{ул}{уьль},$$

могут развиваться морфологически и в результате таких последовательных процессов входить в категорию глагола [4. С. 50]. Междометия с аффиксом *-ыр- // -ыл-* оформляются в категорию глагола посредством словообразовательного аффикса *-ла- // -ле-*, а не *-да- // -де-*, как в большинстве тюркских языков. Другими словами, в кумыкском языке нет аффикса *-да- // -де-*.

А.Н. Кононов в узбекском языке особое внимание обращает на словообразовательную модель *мимемы (звуко-образо-подражательное слово) + аффикс -ла* [9. С. 434].

Н.К. Дмитриев считает, что в куваканском диалекте башкирского языка аффикс *-да- // -де-* является фонетическим вариантом аффикса *-ла- // -ле-*, где *л* при определенных фонетических условиях переходит в *д*. Аффикс *-да- // -де-* образует в литературном языке глаголы от звукоподражательных основ при участии другого аффикса *-ыл / -ел, -ол / -ёл* [18. С. 179].

А.М. Щербак предполагает, что функционирование аффикса *-да* может быть обусловлено наличием в составе образных и звукоподражательных слов компонентов *йл, йр*, хотя, с другой стороны, аффикс *-да-* может присоединяться и к таким основам, в составе которых отсутствуют отмеченные компоненты [20. С. 143].

Предположение Н.К. Дмитриева о диссимилятивном происхождении аффикса *-да-* для большинства тюркских языков является правильным, например, аффикс *-ла-* в настоящее время встречается в звукоподражательных глаголах в хакасском, тувинском, караимском, башкирском языках, ср.: хакас. *орла* — ‘орать’, *куле* — ‘гудеть’, *хырла* — ‘хрипеть’, *сыыла* — ‘шипеть’, *напла* — ‘плюхаться’, *маайла* — ‘мяукать’ [21. С. 166]; тув. *уёла* — ‘стонать’ [22. С. 263]; караим. *кьурла* — ‘квакать’, *чырла-цырла* — ‘струиться’ [23. С. 233]; башк. *мыраула* — ‘урчать (о кошке)’, *гежле* — ‘жуужжать’ [24. С. 232].

В современном карачаево-балкарском языке невозможно установить генетическую связь между аффиксами *-да-* и *-ла-*, т.к. примеров, в которых комбинированное чередование *л/д* приобрело бы морфологическое значение или сохранилось бы в качестве фонетического явления, не наблюдается.

Аффикс *-да- // -де-* является, как и в большинстве тюркских языков, продуктивным, хотя и не проявляет словообразовательной производительности.

По своей семантике звукоподражательные глаголы больше всего являются обозначениями процессов объективной действительности. В структурном отношении они состоят из односложных производящих основ и модифицирующих показателей *-ыр-* и *-ыл-*, тем самым превращаясь в двусложные основы. При определенных условиях эти основы могут получить дальнейшее морфологическое развитие.

Специфической особенностью односложных основ является то, что они не имеют самостоятельного лексического значения и употребляются только в составе двусложных основ. Что касается последних, то они не все и не всегда обладают реальной семантикой.

В карачаево-балкарском языке отмечаются единичные случаи, когда в составе двусложной вторичной основы невозможно выделить производящий односложный корень, ср.: *къымылда* — ‘шевелиться, двигаться, торопиться’. По мнению Ж. Дени, данное явление характеризуется тем, что исходные корни производных основ исчезли из языка [8. С. 541—543].

Отличительной особенностью звукоподражательных слов, с точки зрения детерминированности относительно сегментации, является то, что они не имеют самостоятельной семантики, лексико-морфологических признаков, и поэтому их следует выделить в отдельную служебную часть речи.

А.Н. Кононов считает, что звуко-образо-подражательные слова обладают самостоятельным лексическим значением и особой морфологической формой, и относит их к самостоятельным частям речи, а не к служебным [17. С. 368], с чем вряд ли можно согласиться.

Звукоподражательные слова самостоятельно, без контекстуального окружения, не употребляются. В отдельных случаях их нужно квалифицировать как компоненты составного слова. В отличие от полнозначных слов, звукоподражательные слова употребляются в эмоциональных выкриках, создают *имитацию*, носят чисто условный характер, не имеют осмысленного значения, номинативной и коммуникативной функций. С другой стороны, они могут быть реализованы, с точки зрения синтаксических функций, как главные или второстепенные члены предложения.

Большинство звукоподражательных слов в тюркских языках, как окказиональные образования, несмотря на то, что имеют устойчивую фонетическую структуру и обладают регулярной воспроизводимостью в одной и той же ситуации, не имеют интерпретационного значения и не могут быть зафиксированы словарями, т.к. основную трудность представляет установление связи смысла со звуковым комплексом.

Наблюдая за развитием подражательных слов как особой категории, Э.В. Севортян отмечает, что «односложные подражательные корни представляют более раннее состояние подражательных слов, а наращенные формы с аффиксами *-ыр* и *-ыл* — более поздние, на основании чего мы заключаем, что подражательные глаголы на *-ла-* являются более старыми, глаголы же на *-да-* — новейшими. Подражательные глаголы на *-ла-*, по-видимому, уже непродуктивны, о чем свидетельствует малочисленность таких глаголов и, наоборот, многочисленность глаголов на *-да-*» [11. С. 196].

Аффикс *-ла-* // *-ле-* является весьма универсальным, и вполне возможно, что исторически был продуктивным в образовании глаголов в карачаево-балкарском языке и от звукоподражательных основ, что подтверждается на лексическом материале близкородственных языков, входящих в кыпчакскую группу. Из-за отсутствия звукоподражательных глаголов на *-ла-* в настоящее время невозможно проведение параллели между *-ла-* и *-да-* и, тем более, говорить о том, что они

в рассматриваемых основах имеют разное время происхождения. Скорее всего, аффикс *-ла-* не имеет отношения к подражательным основам, а время появления аффикса *-да-* пока еще остается загадкой.

Что же касается модифицирующих показателей *-ыр* и *-ыл*, то они устанавливают в звукоподражательных глаголах значение *протяженности действия* и участвуют в формировании их семантической структуры.

Следует также отметить, что большинство основ на *-ыл + да-* отражают звучания и шумы, создаваемые преимущественно одушевленными предметами, в редких случаях — неодушевленными. С другой стороны, выделяется немногочисленная группа глаголов на *-ыр + да-*, которые также передают звукоподражания, создаваемые с помощью равно как одушевленных, так и неодушевленных предметов.

Семантическая классификация производящих основ

Звукоподражательные производящие основы, участвующие в образовании глаголов на *-да-* в карачаево-балкарском языке, можно разделить на две большие группы: 1) основы, обозначающие голоса (т.е. звуки, издаваемые с помощью голосовых связок); 2) основы, обозначающие различные звуки окружающей действительности.

Звукоподражательные производящие основы, входящие в первую семантическую группу, в свою очередь, подразделяются на следующие подгруппы:

1) основы, обозначающие голоса домашних животных: *маа* — бляение овцы, *ягненка*, *мяу* — мяуканье кошки, *гыр* — рычание, *ворчание* собаки, *монг* — глухой, *отрывистый лай* большой собаки, *моо* — мычание коровы, *рев* быка;

2) основы, обозначающие крики и пение птиц: *къанкъ* — кудахтанье курицы, *чуу* — щебетание и пение птичек, *къар* — крик ворона, *чир* — крик горностая; можно не без оснований предположить, что такие слова, как *чылчыкъ* 'воробей', *къаргъа* 'ворона', *кукук* 'кукушка', образовались от основ, обозначающих звукоподражания, издаваемые этими птицами, например *чылчыкъ* — *чыл-чыл*; *къаргъа-къар-къар*; *кукук-ку-кук*, *ку-кук*;

3) основы, обозначающие голоса мелких зверьков: *чюй/жюй* — писк мыши;

4) основы, обозначающие жужжанье, писк насекомых: *жыз* — жужжание роя комаров;

5) основы, обозначающие звуки, которые производятся человеком: *мур* — мурлыканье себе под нос, *муш* — сопение, *хур* — храп, *хыр* — состояние удушья, *пырх* — храп во сне, *гыз* — нытье.

Звукоподражательные производящие основы второй группы являются условными обозначениями разнообразных звуков объективной действительности, не поддаются дробной классификации и выступают в виде односложных звукоподражательных корней-звуков:

1) звуки, издаваемые металлическими предметами: *данг*, *донг*, *дынг*, *дюнг*, *дунг*, *зынг*, *зунг*;

2) дребезжащие и дрожащие звуки: *дир*, *дыр*, *гюр*, *гур*;

3) звуки, издаваемые множеством мелких тел: *къыр*, *къур*, *зыр*;

- 4) звуки, издаваемые жидкими телами: *боркъ, шорх, шоркъ*;
- 5) звуки, издаваемые вязкими и полужидкими телами: *чынкъ, шап*;
- 6) звуки, издаваемые в результате падения: *тон*;
- 7) шипящие, свистящие звуки: *быз, дуу, жуу, зуу, кыж, люу, шуу*.

В данной классификации даются только односложные основы, которые, в отличие от двусложных, в своем громадном большинстве не являются обозначениями принципиально новых звуков, а представляют собой различные *количественные и качественные модификации значений* корневых морфем. Двусложные звукоподражательные основы не могут выполнять функцию производящих основ в образовании звукоподражательных глаголов.

Семантическая классификация производных основ

1.1.0. глаголы, обозначающие длительность *действия — звучания*:

1.1.1. *непереходные*:

макырда — ‘блеять’, мяулда — ‘мяукать’, гырылда — ‘рычать’, чуулда — ‘свистеть (о пуле)’, мюнгюрде — ‘мычать, реветь’, кьанкьылда — ‘кудахтать’, чюуюлде — ‘щебетать, визжать’, кьаркьылда — ‘каркать’, чирилде-, чюуюлде-/жюуюлде — ‘пищать’, жызылда — ‘жужжать’, гызылда — ‘ныть’, пырхылда — ‘фыркать (о лошади, осле)’, хырылда — ‘дышать тяжело, с хрипом’, хурулда — ‘храпеть’, мушулда — ‘сопеть’, мурулда — ‘мурлыкать’; чирилде-/чырылда — ‘шипеть (о масле, жире, мясе на горячей сковороде или о мясе, жире на огне, углях)’;

интересной особенностью отмеченной категории звукоподражательных производных основ является то, что морфологической деривации противопоставляется синтаксическая, т.е. звукоподражательные глаголы интерпретируются дублирующей моделью *удвоенные звукоподражательные основы + вспомогательный глагол эт*, например:

гызылда — гыз-гыз эт; хурулда — хур-хур эт; гырылда — гыр-гыр эт; чуулда — чуу-чуу эт; пырхылда — пырх-пырх эт; мурулда — мур-мур эт.

Некоторые аналитические конструкции в отдельных случаях выражают и переносные значения.

2.1.0. глаголы, обозначающие *неопределенно-длительное действие — звучание*:

2.1.1. *непереходные*:

боркьулда — ‘клокотать, кипеть’, шорхулда — ‘журчать, течь с шумом (о воде)’ (ср. шорха суучукь ‘горная речка’); шоркьулда — карач. ‘журчать, течь с шумом (о воде)’;

3.1.0. глаголы, обозначающие *мгновенность, раздельную кратность действия-звучания*:

3.1.1. *непереходные*:

дангырда-/донгурда- / дунгурда-/дюнгурде — ‘загремять’; зынгырда-/зунгурда — ‘звенеть’; топулда — ‘упасть мгновенно, быстро’;

4.1.0. глаголы, обозначающие *равномерную многократность действия-звучания*:

4.1.1. *непереходные*:

дирилде-/дырылда — ‘гудеть, грохотать’; кьырылда-/кьурулда — ‘урчать’; чынкьылда — ‘булькать’; зырылда-/зирилде — ‘лить (о дожде)’.

Таким образом, подражательные слова выражают подражание различным природным звукам, создают образ или впечатление о действии или состоянии. Они составляют весьма значительный пласт карачаево-балкарской лексики и во многих случаях имеют метафорическое употребление.

С точки зрения языка-источника, звукоподражательными производящими основами для производных глаголов на -да- выступают исконно карачаево-балкарские слова. Заимствованных основ из разносистемных языков не встречается.

Аффикс -да-, несмотря на то, что присоединяется исключительно к звукоподражательным основам, является *транспозиционным* и *межкатегориальным*, т.к. переводит звукоподражательные основы в глагольную часть речи.

Среди его отличительных грамматических особенностей следует выделить то, что в составе производных глаголов данный аффикс получает дальнейшее морфологическое развитие, т.е. к этим глаголам присоединяются аффиксы понудительного залога -т- и имени действия -ыу-. В некоторых редких случаях могут образоваться и лексикализованные основы.

С точки зрения семантической наполняемости, производящие и производные основы не дублируют друг друга, обнаруживают модифицирующее значение.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ашмарин Н.И.* О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. — Казань: Акад. центр ТНКИ, 1928.
- [2] *Харитонов Л.Н.* Типы глагольной основы в якутском языке. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
- [3] *Сарыбаев Ш.Ш.* Междометие в казахском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1953.
- [4] *Дмитриев Н.К.* Грамматика кумыкского языка. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
- [5] *Баскаков Н.А.* Каракалпакский язык. — Т. II: Фонетика и морфология. — Ч. 1: Части речи и словообразование. — М.: Изд-во АН СССР, 1952.
- [6] *Bittner M.* Die onomatopoetischen Verba des Türkischen. — Wiener Zchr.f.d. Kunde des Morgenlandes, 1912. — № 26.
- [7] *Nemeth G.* Türkische Grammatik. — Berlin-Leipzig, 1917.
- [8] *Deny J.* Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli). — Paris, 1921.
- [9] *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- [10] *Аганин Р.А.* О принципах подачи подражательных слов в турецких словарях // Тюркско-монгольское языкознание и фольклористика. — М., 1960. — С. 165.
- [11] *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. — М.: Изд-во вост. лит., 1962.
- [12] *Dmitrijev N.K.* Beiträge zur osmanischen Mimologie. — WZKM, Bd. XXXIV, H. 1—2. — Wien, 1927.

- [13] *Dmitrijev N.K.* Skizze der südtürkischen Mimologie. — WZKM, Bd. XXXVI, H. 1—2. — Wien, 1929.
- [14] *Серебрянников Б.А.* Происхождение аффиксов звукоподражательных глаголов в тюркских языках // Советская тюркология. — Баку, 1977. — № 1. — С. 3—7.
- [15] *Мусуков Б.А.* Структурные модели глагольного аффиксального словообразования в карачаево-балкарском языке (продуктивные и непродуктивные модели): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1985.
- [16] *Гузеев Ж.М.* Бусагъатдагъы къарачай-малкъар литература тил. — 2-чи кесеги: Морфемика, морфология, сёз къурау. — Къарачаевск: КЧГУ, 2006.
- [17] *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
- [18] *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
- [19] Татарская грамматика. — Т. 1. — Казань, 1995.
- [20] *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (глагол). — Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1981.
- [21] Грамматика хакасского языка. — М.: Наука, 1975.
- [22] Грамматика тувинского языка. — М., 1961.
- [23] *Мусаев К.М.* Грамматика караимского языка: Фонетика и морфология. — М.: Наука, 1964.
- [24] Грамматика современного башкирского литературного языка. — М.: Наука, 1981.

LEXICAL-SEMANTICAL PECULIARITIES OF ONOMATOPOLIC VERBS -ДА-// -ДЕ- IN KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

В.А. Musukov

Kabardino-Balkarian Humanitarian Research Institute
and Kabardino-Balkarian Scientific centre of Russian Academy of Science
Pushkin Str., 18, Nalchik, KBR, 360000

The article is devoted to researching of onomatopolic affix in verbs -да- // -де- in Karachay-Balkar language. Here are examined such questions as the history of affix origin, semantic classification of derivational units, affixation and lexicalization as methods of new lexical units formation.

Key words: affix, semantic classification, onomatopolic verbs, lexical units.